

ТЕКУЩАЯ ЛИТЕРАТУРА.

„Оврагъ“ — повѣсть Антона Чехова.
„Жизнь“ 1900 г. № 1.

I.

Если всѣ произведенія г. Чехова, вмѣстѣ взятые, воплотить передъ своими читателями, какъ, какъ скучно, какъ неинтересно, какъ нравственно и физически неоправданно все на свѣтѣ, и какъ глупо, какъ бессмысленно все, на что ни взглянешь, то въ послѣдней вышеозначенной повѣсти его всѣ эти тоскующія ноты доходятъ до крайняго кресчендо. Дѣйствіе повѣсти совершается словно какъ бы не въ оврагѣ, а въ сырѣмъ, вонючемъ, промозгломъ погребѣ, въ которомъ зги не видно; холодъ пронизываетъ насквозь ваши члены; всѣ стѣны покрыты плѣсенью; совы и нетопыри гнѣздятся на карнизахъ; огромные пауки ткаютъ свои свѣрые гирлянды по угламъ... А вѣдь вся эта нечисть: и плѣсень, и совы, и летучія мыши, и пауки, и мокрицы, никогда не видящіе свѣта Божьяго, для чего-то существуютъ, служатъ звѣньями въ эволюціи жизни, такими же, какъ лягушки и жабы въ тенистыхъ болотахъ, какъ тѣ мягкотѣлые, безформенные гады безъ рукъ, безъ ногъ, безъ ушей, какіе медленно движутся и по-своему наслаждаются жизнью въ мрачныхъ нѣдрахъ океана.

Въ человѣческой жизни существуютъ своего рода затхлые сырые погреба, свои таинственныя болота, свои темныя омуты, исполненные всякаго рода безформенныхъ отвратительныхъ гадювъ, то текущихъ безконечными тѣлами паутины, то хватющихся за все, что попадаетъ подъ ихъ пѣтліе щупальцы. Жизнь въ этихъ погребахъ и омутахъ до такой степени лишена всякаго смысла, всякаго образа и подобія человѣческаго, что у васъ голова идетъ кругомъ, глядя на нее, вамъ дѣлается тошно, становится страшно: что это за отвратительный процессъ передъ вами? Гниеніе и разложеніе смерти, или это въ своемъ родѣ жизнь, — та несчастная, та ужасная жизнь, какая только и возможна тамъ, гдѣ нѣтъ ни воздуха, ни свѣта, вѣчный мракъ и вѣчная леденящая стужа!

II.

Уолки, въ родѣ тѣхъ, какой описываетъ г. Чеховъ, существуютъ, по всей вѣроятности, для того, чтобы люди не слишкомъ возносились, не забывались и помнили, что они, несмотря на тысячилѣтнее существованіе на земной поверхности, до сихъ поръ не научились не только дѣлать свою жизнь осмысленнѣе и разумнѣе жизни медвѣди или спрута, но хотя бы не заражать воздуха, тамъ, гдѣ они поселяются вкупѣ. Вы посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, какими

безотрадно-мрачными красками рисуетъ г. Чеховъ уголокъ, въ которомъ совершается дѣйствіе его повѣсти.

„Село Уклеево лежало въ оврагѣ, такъ что съ шоссе и со станціи желѣзной дороги видны были только колокольня и трубы ситце-набивныхъ фабрикъ. Когда прохожіе спрашивали, какое это село, то имъ говорили:

— Это то самое, гдѣ дьячокъ на похоронахъ всю икру съѣлъ.

„Какъ-то на поминкахъ у купца Костюкова старикъ-дьячокъ увидѣлъ среди закусокъ зернистую икру и сталъ ѣсть ее съ жадностью; его толкали, дергали за рукавъ, но онъ словно окоченѣлъ отъ наслажденія: ничего не чувствовалъ и только ѣлъ. Съѣлъ всю икру, а въ банкѣ было фунта четыре. И прошло уже много времени съ тѣхъ поръ, дьячокъ давно умеръ, а про икру всѣ помнили. Жизнь ли была такъ бѣдна здѣсь, или люди не умѣли подмѣтить ничего, кромѣ этого неважнаго событія, происшедшаго десять лѣтъ тому назадъ, а только про село Уклеево ничего другого не рассказывали.

„Въ немъ не переводилась лихорадка, и была топкая грязь даже лѣтомъ, особенно подъ заборами, надъ которыми сплелись старыя вербы, дававшія лихорадочную тѣнь. Здѣсь всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой, которую употребляли при выдѣлкѣ ситцевъ. Фабрики — три ситцевыхъ и одна кожевенная — находились не въ самомъ селѣ, а на краю и поодаль. Это были небольшія фабрики, и на всѣхъ ихъ было занято около четырехъ сотъ рабочихъ, не больше. Отъ кожевенной фабрики вода въ рѣчкѣ часто становилась вонючей; отбросы заражали лугъ, крестьянскій скотъ страдалъ отъ сибирской язвы, и фабрика приказано было закрыть. Она считалась закрытой, но работали тайно, съ вѣдома станового пристава и уѣзднаго врача, которымъ владѣлецъ платилъ по десяти рублей въ мѣсяцъ. Во всемъ селѣ было только два порядочныхъ дома, каменныхъ, крытыхъ желѣзомъ; въ одномъ помѣщалось волостное правленіе, въ другомъ, двухэтажномъ, какъ разъ противъ церкви, жилъ Цыбукинъ, Григорій Петровъ, епифанскій мѣшанинъ.“

III.

Вы не подумайте, что въ этой промозглой, вонючей ямѣ было полное отсутствіе всякой культуры. Всѣ три ситцевыхъ фабрики и квартиры фабрикантовъ Хрыминыхъ старшихъ, Хрыминыхъ младшихъ и Костюкова были соединены телефономъ. Провели телефонъ и въ волостное правленіе, но тамъ онъ скоро пересталъ дѣйствовать, такъ какъ въ немъ завелись клопы и прусаки. Волостной старшина былъ малограмотенъ,

и въ бумагахъ каждое слово писалъ съ большой буквы, но когда испортился телефонъ, то онъ сказалъ:

— Да, теперь намъ безъ телефона будетъ трудно.

Но хотя фабрики и были соединены телефономъ, тѣмъ не менѣе порядки на нихъ были совершенно своеобразные, чисто русскіе, очень мало подходящіе къ тому капиталистическому строю, о которомъ у насъ нынѣ столь многіе мечтаютъ. Такъ Хрымины старшіе, по словамъ автора, постоянно судились съ младшими, иногда и младшіе ссорились между собою и начинали судиться, и тогда ихъ фабрика не работала мѣсяцъ, два, пока они опять не мирились, и это развлекало жителей Уклеева, такъ какъ по поводу каждой ссоры было много разговоровъ и сплетенъ.

Такая же поразительная смѣсь европеизма съ заскорузлой азиатчиной представляла собою семья перваго богача въ Уклеевомъ Григорій Цыбукина. Григорій держалъ бакалейную лавку, но лишь для вина, на самомъ же дѣлѣ торговалъ водкой, скотомъ, кожами, хлѣбомъ въ зернѣ, свиньями, торговалъ, чѣмъ придется. Торговля велась въ чисто-русскомъ духѣ, т. е. вся была основана на грубомъ и безчеловѣчномъ надувательствѣ: мужикамъ сбывали прогнущую соломину съ такимъ тяжкимъ запахомъ, что трудно было стоять около бочки, отъ пьяныхъ принимали въ закладъ косы, шапки, женины платки и за это поили ихъ отвратительной водкой, разбавленной водой и всякими отравами, и т. п. Но въ то же время нравы въ семьѣ были мягкіе и незаметно было того суроваго деспотизма, доходившаго до звѣрства, какой поражаетъ васъ въ купеческихъ семьяхъ, комедій Островскаго. У Григорія было два сына. Старшій, Анисимъ, служилъ въ полиціи, въ сыскомъ отдѣленіи, и рѣдко бывалъ дома. Отецъ не препятствовалъ ему въ этой измѣнѣ купеческому дѣлу, даже какъ будто гордился его поприщемъ.

— Вотъ, — говорилъ онъ, — не захотѣлъ дома жить, пошелъ по ученой части. Чтожъ, пускай! Кто къ чему приставленъ.

Репутация ученаго, приобретенная Анисимомъ въ глазахъ отца, усугублялась, конечно, тѣмъ еще, что письма, которыми онъ писалъ роднымъ, написанныя чужимъ-то чужимъ почеркомъ, всякій разъ на листѣ писчей бумаги въ видѣ прошенія, были полны выраженій, какихъ Анисимъ никогда не употреблялъ въ разговорѣ: „Любезный папаша и мамаша, посылаю вамъ фунтъ цѣточнаго чаю для удовлетворенія вашей потребности“. Внизу же каждого письма было нацарапано точно испорченнымъ

перомъ: „Анисимъ Цыбулкинъ“, и подѣ этимъ опять тѣмъ же прѣвосходнымъ почеркомъ: „Агентъ“.

Младшій сынъ Григорія, Степанъ, пошелъ по торговой части и помогать отцу, но онъ былъ слабъ здоровьемъ и глухъ, и за него орудовала всей торговлей жена его, Аксинья, красивая, стройная женщина, ходившая въ праздники въ шляпѣ и съ зонтикомъ, а въ будни встававшая рано, ложившаяся поздно и весь день бѣгавшая, подобравъ свои юбки и гремя ключами, то въ амбаръ, то въ погребъ, то въ лавку. Старикъ Цыбулкинъ глядѣлъ на нее весело, глаза у него загорались. Но впрочемъ никакихъ снохаческихъ поползновеній онъ не обнаруживалъ и вполне любовно относился къ своей второй женѣ Варварѣ Николаевнѣ. Она была изъ хорошаго семейства, уже пожилая, но красивая, видная. Она ввела въ домъ небывалыя тамъ до нея чистоту и опрятность: засвѣтились лампадки, столы покрылись бѣлыми, какъ снѣгъ, скатерти, на окнахъ и въ палисадникѣ показались цвѣты съ красными головками, и ужъ за обѣдомъ ѣли не изъ одной миски, а передъ каждымъ ставилась тарелка. Въ то же время во дворѣ, чего раньше никогда не было, стали заходить нищіе, странники, богомолки, и Варвара помогала имъ деньгами, хлѣбомъ, старой одеждой, а потомъ стала потаскивать и изъ лавки. Григорій не препятствовалъ этому.

— Варварушка, — говорилъ онъ ласково, — ежели тебѣ, матушка, понадобится что въ лавкѣ, то ты бери... Бери себѣ на здоровье, не сомнѣвайся.

И еще бы: среди всякаго рода надувательства, прижимокъ, обидъ, какихъ наносились бѣднымъ людямъ, и прочихъ грѣховъ, густымъ туманомъ стоявшихъ въ воздухѣ, милостыня Варвары дѣйствовала, какъ предохранительный клапанъ въ машинѣ.

Такъ шла день за днемъ жизнь въ домѣ Цыбукина — безъ цѣли, безъ смысла, безъ малѣйшаго проблеска разумнаго сознанія: разъ шесть въ день въ домъ пили чай, разъ четыре садились за столъ ѣсть, а вечеромъ записывали выручку и ложились спать.

IV.

Казалось, ничто не въ силахъ было нарушить мирный покой этого глухого, соннаго, мертваго царства. И тѣмъ не менѣе и на желѣзную крышу дома Цыбукина въ одинъ прекрасный день обрушились бѣды, да не одна, а нѣсколько, бѣды такія же одуряюще-безсмысленныя, такія же возмутительно-пошлыя, какъ и все, что происходило въ вонючей ямѣ села Уклеева.

Пошло все съ того, что задумали женить старшаго Анисима.

— Ох-тех-те... Младшего брата же-
нили, — говорила Варвара, — а ты все
без пары, словно пѣтухъ на базарѣ.
По каковски это? Этихъ-тѣхъ, жени-
сь, Богъ дастъ, такъ, какъ хочешь, по-
ѣдешь на службу, а жена останется до-
ма помощницей-те.

Когда Цыбукины женились, то для
нихъ, какъ для богатыхъ, выбирали са-
мыхъ красивыхъ невестъ. И для Ани-
сима отыскали тоже красавицу. Подъ
самымъ городомъ было село Торгуево,
и въ немъ въ своемъ домикѣ проживала
вдова; у нея была сестра, совсѣмъ бѣд-
ная, ходившая на поденную работу, а у
этой сестры была дочь Липа, дѣвушка,
тоже ходившая на поденку. Варвара
узнала о Липѣ отъ своихъ, сѣздила въ
Торгуево, и затѣмъ въ домѣ тетки были
устроены смотрины, какъ слѣдуетъ, съ
закуской и виномъ. Бѣдная женщина,
и мать, и дочь, были такія забитыя су-
щества своею горькою долею, что Липа,
худенькая, слабая, блѣдная, съ тонкими
нѣжными чертами, смуглая отъ работы,
на воздухѣ, стояла у двери въ своемъ
повомъ, ровномъ платьѣ, синитомъ на-
рочно для смотрины, и какъ будто хо-
тила сказать: „дѣлайте со мною, что
хотите, я вамъ вѣрю“; а мать, Праско-
вья, пощенница, пряталась въ кухнѣ и
замирала отъ робости. Сидя въ кухнѣ,
она старалась подслушать, о чемъ гово-
рить гости, и все крестилась, прижимая
пальцы ко лбу и поглядывая на образъ.
Анисимъ, слегка пьяный, отворилъ дверь
въ кухню и говорилъ развязно:

— Что же вы тутъ сидите, мамаша
красоцѣнная? Намъ безъ васъ скучно.

А Прасковья, оробѣвъ, прижимая
руки къ своей тощей, исхудалой груди,
отвѣчала:

— Что вы, помилуйте-съ... Много
вами довольны-съ...

Затѣмъ, конечно, что и послѣ свадьбы ни
Прасковья, ни Липа никакъ не могли
привыкнуть къ тому, что они породни-
лись съ богатыми людьми, и освоиться
сколькимъ-нибудь въ домѣ ихъ. Прасковья,
когда приходила, то робко жалась въ
сѣняхъ, улыбалась просительно, и ей
высылали чаю и сахару. Липа въ свою
очередь и послѣ того, какъ уѣхалъ мужъ,
спала не на своей кровати, а гдѣ при-
дется — въ кухнѣ или сараѣ, и каждый
день мыла полы или стирала, и ей ка-
залось, что она на поденнѣ.

V.

Тѣмъ не менѣе, свадьба была отпразд-
нована очень пышно, на славу. Обжор-
ство было небывало-грандіозныхъ размѣ-
ровъ. И хозяйка, и гости разошлись во-
всю, такъ что подъ конецъ бала самъ
старикъ пошелъ плясать русскую, а ко-
гда гости разбѣжались, каждому, про-
щаясь, онъ хвастался:

— Свадьба двѣ тысячи стоила.

Правда, дѣло не обошлось безъ нѣко-
торыхъ эпизодовъ и скандальчиковъ,
свойственныхъ зловонной имѣ. Такъ, для
шесты приданого невестѣ и обновъ къ
свадьбѣ прочимъ членамъ семьи были
приглашены двѣ сестры-хлыстовки. Ко-
гда портняжки кончили, то Цыбукинъ за-
платилъ имъ не деньгами, а товаромъ
изъ своей лавки, и онѣ ушли отъ него
грустныя, держа въ рукахъ узелки со
стеариновыми свѣчами и сардинками,
которые были имъ совсѣмъ не нужны и,
выйдя изъ села въ поле, сѣли на буго-
рокъ и стали плакать.

Во время свадебнаго пиршества, когда
гости сидѣли еще за столомъ, изрѣдка,
когда затихала музыка, ясно было слыш-
но, какъ на дворѣ кричала какая-то
баба:

— Насосались вашей крови, проды,
нѣтъ на васъ погребели!

Въ заключеніи свадьбы, когда гости
расходились, у шкиловскаго трактир-
щика кто-то обвинилъ хорошую поддеву
на старую, и Анисимъ вдругъ вспых-
нулъ и сталъ кричать:

— Стой! Я слышу сейчасъ! Я знаю, кто
это укралъ! Стой!

Онъ выбѣжалъ на улицу, погнался за
кѣмъ-то; его поймали, повели подъ руки
домой и пихнули его, пьянаго, краснаго
отъ гнѣва, мокраго, въ комнату, гдѣ
тетка уже раздѣвала Липу, и заперли.

Но все это были пустяки передъ тѣмъ
крупнымъ и зловѣщимъ скандаломъ, ко-
торый обваружился вскорѣ послѣ свадь-
бы. Дѣло заключалось въ томъ, что, при-
ѣхавши къ свадьбѣ домой, Анисимъ далъ
отцу въ подарокъ десять серебряныхъ
рублей и десять полтинниковъ; и Варварѣ
далъ столько-же, Анисимъ — двадцать чет-
вертаковъ. Главная прелесть этого по-
дарка заключалась въ томъ, что всѣ мо-
неты, какъ на подборъ, были новенькіе
и сверкали на солнцѣ. Такими же моне-
тами одарилъ онъ на свадьбѣ и нѣкто-
рыхъ рабочихъ, между прочимъ, Сашку
кузнеца. Последний вздумалъ купить на
ярмаркѣ на этотъ полтинникъ табакъ и
появился съ нимъ въ полицію: полтин-
никъ оказался фальшивымъ. Сашка со-
знался, отъ кого получилъ онъ этотъ
полтинникъ. Началось слѣдствіе, обна-
ружившее, что Анисимъ, не довольству-
ясь тѣми скудными щедротами, какія
имѣлъ онъ въ чинствѣ „агента“, рѣшилъ,
что вмѣсто того, чтобы разыскивать и
предавать закону дѣлателей фальшивыхъ
монетъ, не въ притѣрь выгоднѣе само-
му примазаться къ этому прибыльному
дѣлу. Въ результатѣ этого рѣшенія и
появились тѣ новенькіе рубрики, кото-
рыми одарилъ онъ на свадьбѣ своихъ
родныхъ и пріятелей. Анисимъ былъ,
конечно, арестованъ и посаженъ въ
тюрьму.

Послѣ этой неожиданной катастрофы,
казалось, тѣмъ легла на дворъ Цыбукина.

Домъ потемнѣлъ, крыша поржавѣла, дверь въ лавкѣ, обитая желѣзомъ, тяжелая, выкрашенная въ зеленый цвѣтъ, потухла, и самъ старикъ потемнѣлъ какъ будто. Онъ давно уже не подстригалъ волосъ и бороды, обросъ, сила въ немъ пошла на убыль, и это замѣтно было по есему. Уже и люди меньше боялись, и урядникъ составилъ въ лавкѣ протоколъ, хотя получалъ попрежнему что слѣдуетъ; и три раза вызывали въ городъ, чтобы судить за тайную торговлю виномъ, и дѣло все откладывалось за неявкой свидѣтелей, и старикъ замучился. Онъ часто ѣздилъ къ сыну, нанималъ кого-то, подавалъ кому-то прошенія, пожертвовалъ кому-то хоругвь. Все это было тщетно: Анисимъ былъ лишенъ всѣхъ правъ и сосланъ въ каторжные работы на шесть лѣтъ.

VI.

Одна бѣда всегда накликаетъ другую. Во время всѣхъ этихъ передрагъ у Липы родился сынишка Никифоръ. Это былъ маленькій ребеночекъ, тощенькій, жаленькій, но онъ былъ единственнымъ счастьемъ для своей горемычной матери, и она ласкала и лелеяла его, не спуская съ рукъ. Послѣ ссылки Анисима старикъ Григорій, по внушенію Варвары, обратилъ вниманіе на внука. Подозвавъ Липу къ себѣ, онъ сказалъ ей:

— Ты, Липышка, если что нужно, спрашивай; и что захочешь, кушай, мы не жалѣемъ, была бы здорова...—Онъ перекрестилъ ребенка. — И внучка береги. Сына нѣтъ, такъ внучекъ остался.

Послѣ того старикъ уѣхалъ въ городъ къ нотаріусу съ цѣлью составить духовное завѣщаніе и въ немъ завѣщать внуку то самое Бутекино, на которомъ только-что передъ тѣмъ Анисья устроила кирпичный заводъ. Узнавши объ этомъ, Анисья пришла въ необузданную ярость, повернула въ ноги старика ключи, сбросала на дворѣ съ веревочъ развѣшанное сушиться бѣлье, бросилась въ прачешную, гдѣ стирала Липа, и вытѣсь себя отъ гнѣва, плеснула изъ ковшика кипяткомъ на ребенка, лежавшаго на лавкѣ.

Послѣ этого послышался крикъ, какого никогда еще не слыхали въ Уклеевѣ, и не вѣрилось, что небольшое, слабое существо, какъ Липа, можетъ кричать такъ. И на дворѣ вдругъ стало тихо. Анисья прошла въ домъ, молча со своей прежней навной улыбкой...

Никифора свезли въ земскую больницу, и къ вечеру онъ умеръ тамъ. Липа не стала дожидаться, когда за нею придутъ, а завернула покойника въ одѣяльце и понесла домой. И ни малѣйшаго протеста, ни малѣйшей попытки такъ или иначе отплатить убійцѣ за ея гнусное преступленіе не пришло и въ голову загнанной, прибитой къ самой

землѣ, беззащитной женщины. Некому было и заступиться за нее. Къ тому же—что такое значить ребенокъ въ воюющей лѣтѣ? Развѣ смерть или убійство его во что-нибудь кѣнется, заставляютъ кого-нибудь задумываться? Они дадутъ только поводъ къ лишнему обжорству. Такъ, по смерти младенца служили панихиду утромъ и вечеромъ; на другой день похоронили, и послѣ похоронъ гости и духовенство бѣли много и съ такою жадностью, какъ будто давно не ѣли. Липа прислуживала за столомъ, и батюшка, поднявъ вилку, на которой былъ соленый рыжикъ, сказалъ ей:

— Не горюйте о младенцѣ. Таковыхъ есть царствіе небесное.

Вслѣдъ затѣмъ Липа въ тотъ же день была безъ церемоніи изгнана изъ дома Анисьей.

— Слышишь?—кликнула она въ сильномъ гнѣвѣ и топнула ногой.—Кому говорю? Пошла вонъ со двора, чтобы ноги твоей тутъ не было, каторжанка! Вонъ!

На другой день рано утромъ Липа ушла въ Торгуево, къ матери.

Послѣ того Анисья окончательно забрала въ свои руки весь домъ. Старикъ Цыбукинъ уже не вѣдывался въ дѣла. Онъ не держалъ при себѣ денегъ, потому что никакъ не могъ отличить настоящихъ отъ фальшивыхъ, но молчалъ, никому не говорилъ объ этой своей слабости. Онъ сталъ какъ-то забывчивъ, и если не дать ему поѣсть, то самъ не спросить; уже привыкли обѣдать безъ него, и Варвара часто говорить:

— А нашъ вчерась опять легъ не ѣвши.

Въ селѣ пошли разговоры, будто невѣстка выгнала его изъ собственнаго дома и не даетъ ему ѣсть, и будто онъ корчится подавными. Липа и Прасковья, возвращаясь однажды съ поленки, встрѣтила его въ селѣ. Липа поклонилась ему низко и сказала:

— Здравствуйте, Григорій Петровичъ!

И мать тоже поклонилась. Старикъ остановился и, ничего не говоря, смотрѣлъ на обѣихъ; губы у него дрожали и глаза были полны слезъ. Липа достала изъ узелка у матери кусокъ пирога съ кашей и подала ему.

Солнце уже совсѣмъ зашло; блескъ его погасъ и вверху на дорогѣ становилось темно и прохладно. Липа и Прасковья пошли дальше и обѣ долго потомъ крестились.

Однимъ словомъ—подавныя, поданные бѣднѣйшими работниками богатѣйшему въ околоткѣ купцу! Вотъ до какихъ фантастическо-абсурдныхъ доходитъ мертвое прозябаніе и гнѣніе въ помойныхъ ямахъ, которыми, увы, наполнена русская земля.

А. Скабичевскій.